

**Ф. К. Шлоссер**

**Всемирная история**

**Том 1**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Ф11

Ф11      **Ф. К. Шлоссер**  
Всемирная история: Том 1 / Ф. К. Шлоссер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 782 с.

**ISBN 978-5-458-05279-5**

«Всемирная история» — знаменитый фундаментальный труд немецкого ученого Фридриха Кристофа Шлоссера представляет собой синтез его специальных исследований и университетских курсов. Описываемый период доведен до 1815 года. «Всемирная история» Шлоссера сыграла заметную роль в истории развития общественной мысли в России. В переводе на русский язык и популяризации его трудов принимал деятельное участие Н. Г. Чернышевский. Следует обратить внимание на то, что русский перевод Шлоссера содержит цензурные пропуски, обозначенные оточиями, (особенно в главах, посвященных России), а также искажения, сознательно внесенные самим Чернышевским с целью смягчить или, наоборот, усилить некоторые оценки автора.

**ISBN 978-5-458-05279-5**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# НЕКРОЛОГЪ Ф. ШЛОССЕРА,

**СОСТАВЛЕННЫЙ Г. ГЕРВИНУСОМЪ.**

---

Еще не такъ давно смерть похитила у насъ Арндта и Дальмана въ Боннѣ; и вотъ на днихъ, 23 сентября, за ними послѣдовалъ Фридрихъ Христофоръ Шлоссеръ на 58 году жизни (род: 17 ноября 1776 года въ Еверѣ). Этими сѣверо-германскими историками, кажется, навсегда пресѣклось въ германской духовной жизни характеристическое поколѣніе нѣмецкихъ ученыхъ, отличавшихся необыкновенно крѣпкими, какъ тѣлесными, такъ и духовными силами. Они всѣ трое жили въ бурное время, и въ ихъ литературной дѣятельности различнымъ образомъ отразился тотъ періодъ, когда нѣмецкій народъ созналъ свое политическое и национальное призваніе, и это сознаніе вступило въ борьбу съ преданіями и стремленіями чисто внутренними, обращенными исключительно на духовные интересы. Всѣ трое развивались въ различныя времена, но начало ихъ развитія совпадаетъ съ періодомъ униженія и порабощенія Германіи; народный позоръ сильно дѣйствовалъ на нихъ и невольно устремлялъ ихъ всеобъемлющіе умы на общественную дѣятельность, исполняя сердца самыми горячими сочувствіемъ къ судьбѣ ихъ націй. Тяжкія народныя страданія сообщили ихъ характерамъ, сильнымъ отъ природы, такую желѣзную твердость, что потомкамъ ихъ въ Ѳлѣдующемъ разслабленномъ поколѣніи она казалась даже излишнимъ упрямствомъ и заносчивостью, достойною порицанія. Въ нихъ нѣмецкій народъ видѣлъ людей, ему сочувствовавшихъ, неразрывно связавшихъ свою литературную дѣятельность съ его радостями и страданіями; онъ уважалъ въ нихъ народныхъ писателей, служившихъ народному дѣлу даже въ такихъ сочиненіяхъ, которые по объему, формѣ и содержанію были всего менѣе народны и принадлежали повидимому къ чисто ученымъ и специальнымъ.

Шлоссеръ.

*a*

Таковъ былъ даже тотъ между ними, который никогда не принималъ непосредственного участія въ общественныхъ дѣлахъ, который прямо порицалъ всякое стремленіе къ популярности въ наукѣ, отличался самымъ рѣзкимъ характеромъ, и съ самою суровою строгостью любилъ бичеватъ слабости нѣмцевъ, — именно Шлоссеръ. Было время, когда вся Германія единодушно удивлялась въ этомъ человѣкѣ огромной начитанности, обширной учености и умѣнью пользоваться своими знаніями; — когда всѣ глубоко уважали его за его свободный политический образъ мыслей и за смѣлость, съ какою онъ высказывалъ его, что было большою рѣдкостью въ нѣмецкомъ кабинетномъ ученомъ прошлого столѣтія; — когда его строгая нравственная проповѣдь и критика возбуждали родъ нѣмаго благоговѣнія. Въ это время я, его благодарный ученикъ, сидѣлъ у ногъ его въ Гейдельбергѣ и съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его и тогда, когда онъ оживлялъ свои чтенія отдѣльными замѣчаніями, которыя обнаруживали глубокое знаніе свѣта и людей и разъясняли для меня разнообразные вопросы и сомнѣнія, волнующіе юношескую душу, — и тогда, когда онъ рисовалъ въ величественныхъ картинахъ эпохи развитія человѣческаго рода, и передъ моимъ юнымъ умомъ съ шумомъ растворялись врата исторіи. Въ то время я могъ только чувствовать все значеніе этого человѣка въ исторической наукѣ для нѣмецкой страны и народа, могъ только вѣрить въ его высокое достоинство; и общественное мнѣніе не разрушало во мнѣ этой вѣры. Если я прямо и откровенно скажу, что я и теперь еще не потерялъ вѣры въ великое значеніе этого человѣка, то меня многіе, можетъ быть, назовутъ пристрастнымъ и упрекнутъ въ излишней благодарности и въ робости сужденій бывшаго ученика, который всегда остался ученикомъ. Вѣдь въ настоящее время въ Германіи мнѣнія о Шлоссерѣ не такъ единогласны, какъ были прежде.

Въ такія времена, когда движение совершается съ неслыханною быстротою, очень естественно можетъ случиться, что надъ ученымъ изслѣдователемъ одержать верхъ соперники, принимающіе участіе въ разрушительной дѣятельности молодаго, подвижнаго поколѣнія; тогда вкусы и потребности минуты не находятъ себѣ удовлетворенія у писателя, который живъ очень долго; тогда обыкновенно забываютъ отношеніе его сочиненій ко времени ихъ происхожденія и упускаютъ изъ виду то значеніе, какое они имѣли преимущественно для этого времени. При всеобщемъ развитіи въ Германіи учености, затрогивавшей современные, жизненные вопросы, естественно, ученость Шлоссера должна была нѣсколько потерять во мнѣніи общества. Роскошно развившаяся и дорожившая изящными формами литература отодвинула на задній планъ простыя и безъискусственные сочиненія Шлоссера. Читающая публика, избалованная свой вкусъ и чувство привлекательнымъ, изящнымъ чтеніемъ, невольно отворачивалась отъ суровой строгости старомодного нравственного судьи. Въ пишущемъ мірѣ мало-помалу образовался кружокъ систематическихъ противниковъ, рѣшившихся отомстить за нападки, рѣзкости, обиды, можетъ быть, даже незаслуженные, которыя они лично и непосредственно вытерпѣли отъ Шлоссера во все время его многолѣтней критической дѣятельности. Были между ними люди

ученые и они вели споръ основательно, съ знаніемъ дѣла и съ достоинствомъ. Но были между ними также и неопытные послѣдователи противоположныхъ направлений, отличавшіеся въ спорахъ только рѣзкостью и школьною нетерпимостью; ставя на пьедесталъ учителей своей школы, они укоряли немецкой народъ въ слѣпомъ и очевидномъ заблужденіи за то, что онъ считалъ Шлоссера великимъ историкомъ и читалъ его сочиненія съ болѣею охотою, чѣмъ сочиненія многихъ, если не всѣхъ, современныхъ его противниковъ. И такъ какъ всякое новое мнѣніе находитъ толпу безразсудныхъ послѣдователей, то въ Германіи скоро распространился взглядъ на Шлоссера, вмѣсто прежняго глубокаго уваженія, выражавшій какое-то презрѣніе къ нему. Способъ изложенія Шлоссера находили труднымъ и невразумительнымъ по его безпорядочности и отсутствію всякаго метода. — Его ученою критику считали просто только страстнымъ желаніемъ порицать безъ разбора все, кроме своихъ собственныхъ сочиненій. — Его нравственную критику находили узкою за ея односторонній масштабъ брюзгливой мѣщанской морали, которая унижала всякое историческое величие. — Въ его политической критикѣ видѣли постоянное колебаніе сюда и туда, отрицаніе всякой формы правленія, всякаго національного характера и народнаго быта; всѣ они представлялись ему одинаково негодными. — Наконецъ его взглядъ на общій ходъ исторіи называли запутаннымъ и видѣли въ немъ беспорядочный хаосъ, въ которомъ нельзѧ достигнуть никакой цѣли и нигдѣ нельзѧ найти успокоенія.

Всѣ эти упреки имѣютъ видъ справедливости и до некоторой степени не лишены основанія. Но они не могли разрушить того первого инстинктивнаго мнѣнія, какое составилось въ Германіи о Шлоссерѣ; они никогда не могли поколебать моихъ прежнихъ убѣжденийъ въ значеніи этого необыкновенного человѣка. Противники Шлоссера, порицая его за рѣзкія и пристрастныя сужденія, сами были несправедливы къ нему. Несправедливость эта состояла не въ томъ только, что они видѣли въ немъ одни недостатки и не признавали его достоинствъ: они судили объ немъ поверхностно и не хотѣли объяснять его ошибокъ тѣми основаніями, которыя лежали въ самомъ существѣ и полнотѣ его характера. Даже въ самыхъ слабыхъ натурахъ можно наблюдать то коренное свойство человѣческаго духа, по которому всѣ недостатки и достоинства известной личности находятся въ самой тѣсной связи между собою; не рѣдко же особенное преимущество избранныхъ натурь обнаруживается именно въ томъ, что чѣмъ цѣльнѣе, выше и основательнѣе развитъ въ нихъ умъ и характеръ, тѣмъ неразрывнѣе и нераздѣльнѣе переплетаются у нихъ тѣ общіе корни, изъ которыхъ вырастаютъ ихъ хорошія и дурныя качества. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ точки зреянія и отъ того, желають ли рассматривать однѣ только тѣни, или вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить и свѣтъ, который образуетъ эти тѣни.

Недавняя утрата этого человѣка обязываетъ меня хоть сколько-нибудь содѣйствовать безпредвзятой и правильной оцѣнкѣ его всѣми средствами, какія находятся въ моихъ знаніяхъ и моемъ опыте. Въ этомъ важномъ случаѣ, произнося судъ надъ мертвымъ, я буду говоритьъ съ полною откро-

венностью и беспристрастiemъ, измѣнить которымъ не позволяетъ мнѣ воспоминаніе о нравственныхъ правилахъ покойника и о его личномъ характерѣ. Поэтому было бы совершенно неумѣстно на всѣ рѣзкіе и опредѣленные упреки, высказанные противъ него, отвѣтчать пошлыми фразами или опровергать ихъ общими мѣстами. Каждый будетъ имѣть больше довѣрія къ моему дѣлу, если я буду вести его прямо, основательно и беспристрастно.

Такимъ образомъ противникамъ, порицающимъ небрежную бѣзпорядочность въ сочиненіяхъ Шлоссера, я могу представить еще новыя доказательства въ пользу ихъ мнѣнія, и въ то же время не лишусь возможности защитить и себя, и его. Дѣйствительно, нѣтъ произведеній ни одного автора, которыя были бы такъ небрежны и беспорядочны, казались бы такими неполными и незаконченными, какъ историческая сочиненія Шлоссера. Своимъ происхожденіемъ они обязаны самымъ разнообразнымъ мотивамъ, виѣшнимъ и внутреннимъ, случайному расположению и желанію, постороннему поводу и чужому побужденію; продолженіе ихъ, обработка и объемъ также часто и случайно измѣнялись и принимали тотъ или другой видъ. Въ своей юности (такъ писалъ онъ самъ), колеблясь между философией и богословиемъ, между церковной исторіей и изученіемъ классической древности, сочинялъ онъ разныя бiографiи и монографiи, выбирая предметы для нихъ повидимому совершенно безразлично изъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, на Востокѣ и на Западѣ. Читая во Франкфуртѣ лекціи по исторіи философи, онъ началъ съ 1811 года заниматься древней исторіей и обработалъ первый томъ своей Всемірной исторіи (1815). Впослѣдствiи, прекративъ чтеніе лекцій, онъ продолжалъ писать вторую часть своего сочиненія, главнымъ образомъ для себя, какъ тетрадь для собственнаго употребленія; въ третьей части онъ опять перемѣнилъ тонъ, чтобы дать возможность и другимъ читать и понимать его сочиненіе. На четвертой части онъ совсѣмъ остановился, и въ то же время сомнительные труды Риса и Лудена побудили его ревностно заняться разработкой всей средневѣковой исторіи. Потомъ онъ вдругъ перескоилъ къ XVIII вѣку (1823), предназначая сочиненіе объ немъ первоначально для себя, въ руководство при своихъ чтеніяхъ; развивъ его нѣсколько подробнѣе, по совѣту А. Гумбольта, Шлоссеръ и въ этомъ видѣ, по его собственному признанію, отложилъ его въ сторону, какъ неполное и не совсѣмъ понятное безъ его устныхъ объясненій. Затѣмъ послѣдовало общее обозрѣніе исторіи древняго міра (1826); сначала онъ излагалъ его кратко, потомъ подробнѣе, и наконецъ заключительная часть вышла такая, что вмѣстѣ съ указателемъ могла составить цѣлый томъ. По окончаніи его явилась переработанная исторія XVIII вѣка съ подробными литературными отдѣлами, заимствованными, очевидно, изъ его черновыхъ тетрадей, никогда не предназначавшихся для печати. Не окончивъ этого сочиненія, принятаго всѣми съ восторгомъ, онъ снова оставилъ его, чтобы прибавить къ своей исторіи среднихъ вѣковъ два тома о XIV вѣкѣ, обработанные не вездѣ по одному плану, потому что онъ обѣщалъ ихъ издателю. Въ это же время въ угоду своему другу Берхту издавалъ онъ историческій архивъ и по просьбѣ товарища Бера писалъ множество критическихъ статей

въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ. Затѣмъ, по неотступной просьбѣ Гре-рера и Франка, онъ далъ свое согласіе на популярную переработку различныхъ его сочиненій въ одну общую Всемірную исторію, которая потомъ перешла въ другія руки, и въ которой онъ пополнилъ большой пробѣль XV — XVII вѣка, обработанный менѣе всѣхъ прежнихъ его сочиненій. Безъ сомнѣнія, весьма трудно найти у какого-нибудь другаго писателя столько различныхъ побужденій и цѣлей въ неутомимой и обширной литературной дѣятельности и соотвѣтствующее этому разнообразіе, неровность и отсутствіе тщательной обработки въ изложеніи.

Впрочемъ среди этой смѣси мотивовъ, побуждавшихъ нашего историка къ трудамъ, мы находимъ одну постоянную точку зреѣнія, одну основную цѣль, которая, при всей кажущейся прихотливости и беспорядочности, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ особенностями натуры Шлоссера и ея характеристическими достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно объясняетъ существенные черты его метода изложенія, которыхъ могли показаться отсутствиемъ всякаго метода. Принужденный внѣшними обстоятельствами сдѣлаться учителемъ исторіи прежде, чѣмъ онъ усвоилъ себѣ историческая знанія во всемъ ихъ объемѣ, и не находя въ нѣмецкой литературѣ печатныхъ, основныхъ руководствъ для своихъ занятій, Шлоссеръ долженъ былъ ткать для другихъ въ то время, когда еще самъ былъ занятъ собственнымъ ученіемъ и весь погруженъ въ изученіе источниковъ. Такимъ образомъ, собирая материалы для себя и составляя записки для своихъ слушателей, онъ пріобрѣлъ привычку дѣлать публику свидѣтельницей своихъ кабинетныхъ предварительныхъ занятій. Это вполнѣ объясняетъ его манеру писать, которую онъ, благодаря своей сильной натурѣ, съ самаго начала такъ усвоилъ себѣ, что впослѣдствіи при всемъ своемъ желаніи не могъ совершенно ее оставить. Онъ самъ сознавалъ, и часто высказывалъ какъ необходимо дополнять его труды другими сочиненіями о тѣхъ же предметахъ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ очень охотно упускалъ все, что было достаточно обработано другими. Такъ напримѣръ, исторію иконоборческихъ императоровъ онъ хотѣлъ первоначально изложить такимъ образомъ, чтобы читатели ея необходимо должны были имѣть подъ рукою Гиббона. Даже въ своей Всемірной исторіи, въ которой вообще соблюдено больше порядка, онъ имѣлъ намѣреніе ограничиться одними „указаніями“ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось предметовъ общеизвѣстныхъ; чтобы не повторять сужденій, высказанныхъ другими, онъ писалъ римскую исторію и исторію крестовыхъ походовъ такъ, что ее могъ понимать только читатель, знакомый съ Нибуромъ и Вилькеномъ. Вообще все сочиненія его предназначались не для тѣхъ людей, которые ничего не читали прежде. Имѣя въ виду это, онъ очевидно считалъ форму изложенія дѣломъ второстепеннымъ. Въ своей „преднамѣреніи и по самому предмету сухой книгѣ“ о среднихъ вѣкахъ онъ излагаетъ одни только голые факты, заботясь болѣе о содержаніи и повѣркѣ источниковъ, нежели о колорите и живописномъ изложеніи; онъ предполагалъ, что понимающій дѣло человѣкъ часто обращаетъ больше вниманія на примѣчанія, чѣмъ на текстъ, а на самий текстъ смотритъ

какъ на примѣчанія. Такимъ образомъ его историческія сочиненія всегда были ничто иное, какъ родъ постоянной критики источниковъ и свода ихъ; и тамъ, гдѣ онъ прямо и исключительно становится на эту точку, какъ напримѣръ въ своей статьѣ о панегиристахъ и порицателяхъ Наполеона, помѣщенной въ историческомъ архивѣ Берхта, тамъ онъ и другимъ кажется и самъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, потому что тамъ онъ, точно у себя дома, держится совершенно непринужденно и наиболѣе вѣренъ самому себѣ. Отъ этой особенности Шлоссера зависѣло отсутствіе методики, небрежность слога, бѣглость въ изложеніи и многіе другіе недостатки даже относительно того, что онъ считалъ самыи важныи и священныи въ своей дѣятельности, именно содержанія материаловъ и группировки фактovъ. Слѣдя болѣе счастливому вдохновенію, нежели филологически точнымъ основаніямъ и изслѣдованіямъ, онъ писалъ съ поспѣшностью, при которой неизбѣжны были частныи ошибки и слишкомъ скорыя заключенія. Нѣть надобности отыскивать ихъ: онъ откровенно указалъ на нихъ самъ. Иногда изъ-подъ пера его сорвется анахронизмъ въ 100 лѣтъ; иногда у него представляются выигранными сраженія, которые на самомъ дѣлѣ были проиграны; онъ называетъ потерянными классическія творенія, которыхъ сохранились; надежда на свою твердую память измѣняла ему въ такихъ случаяхъ. Равнодушный къ вспомогательнымъ второстепеннымъ отраслямъ исторіи, онъ пренебрегалъ отдѣльными генеалогическими, хронологическими, географическими замѣчаніями и частными вопросами, которые для „дѣтей и пѣдантовъ“ составляютъ самое главное въ исторіи, и такъ же охотно дозволялъ Берхту и Критку исправлять свой слогъ, какъ охотно поручалъ разматривать подобныя мелочи Нибуру и Миллеру при случайныхъ встречахъ съ ними. Его живая любознательность не дозволяла ему слишкомъ долго останавливаться на мелкихъ незначительныхъ подробностяхъ; этой живости, сообщившей его ученымъ стремленіямъ такой обширный и удивительный объемъ, онъ жертвовалъ иногда основательностью. Гдѣ можно найти другаго историка, который бы самостотельно разобралъ всю область исторіи по первоначальнымъ источникамъ во всемъ обширномъ объемѣ? Уже въ 1823 году онъ составилъ планъ, окончивши исторію среднихъ вѣковъ, присоединить къ ней новѣйшую исторію и даже въ 1830 году не оставлялъ мысли обработать новую исторію по образцу своего всемирно-исторического обозрѣнія. Но когда Шлоссеръ увидѣлъ, что для этого не хватитъ его силъ и жизни, то честолюбіе заставило его согласиться на изданіе популярной всемирной исторіи, чтобы по крайней мѣрѣ хоть этимъ способомъ пополнить пробѣлъ съ 14 до 17 вѣка: „чтобы все-таки что-нибудь цѣлое“ — говорилъ онъ въ наивной радости, не докончивая (по своей привычкѣ) понятной мысли.

Эта растянутость, небрежность и неполнота составляли слабую сторону въ сочиненіяхъ Шлоссера и дали критикамъ его обильную пищу. Настоящаго, хотя бы и самаго строгаго, но достойнаго его критического разбора его трудовъ не было; потому что наша критика не обращаетъ вниманія на сочиненія тѣхъ, которые не принадлежатъ къ литературнымъ партіямъ.

Нѣкоторые недостатки и ошибки были указаны ему въ анонимныхъ письмахъ издателями, истинными и ложными друзьями, и въ то же время появились противъ него статьи другаго рода, въ которыхъ клиенты покровительствуемыхъ въ Пруссіи историческихъ и философскихъ школъ только превозносили своихъ собственныхъ учителей. При такомъ положеніи вещей Шлоссеру, не боявшемуся порицаній и не желавшему похвалъ, ничего не оставалось дѣлать для поддержанія собственного достоинства, какъ хранить молчаніе, и не обращать вниманія на лай „литературныхъ собакъ“. Кто въ ученомъ мірѣ не знаетъ по собственному опыту того прискорбнаго факта, что глубокомысленный философъ, возвышенный поэтъ и проницательный историкъ должны выслушивать сужденія и приговоры отъ вздорныхъ говоруновъ, которые занимаются критикой какъ ремесломъ для пріобрѣтенія куска хлѣба? Многіе, подвергшіеся такому суду, скрываютъ свое негодованіе изъ приличія и по благоразумію; такой человѣкъ, какъ Шлоссеръ, не долженъ быть негодовать уже по одному чувству собственного достоинства. Но его раздражали нападки другихъ на тѣ недостатки, которые самъ же онъ указалъ въ своихъ сочиненіяхъ, и онъ началъ (1817) въ своихъ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, а потомъ въ Гейдельбергскихъ лѣтописяхъ отвѣтчиать на эти нападки въ своихъ ученыхъ критикахъ. Съ совершенною беззастѣнчивостью стала онъ прямо высказывать все то, что обыкновенно скрываютъ другие, обнаружилъ мелкую раздражительность, обидчивость, зависть всякой похвалѣ, которая не касалась его, презрѣніе къ чужимъ указаніямъ, нетерпимость и Ѣдкость въ сужденіяхъ о каждомъ направленіи, несогласномъ съ его собственнымъ; — все это такія черты, которыя, казалось, обнаруживали недостатокъ самообладанія, терпимости и безпристрастія, способны были бросить тѣнь на характеръ человѣка и показывали какъ будто онъ совершенно предался страсти къ противорѣчіямъ и къ порицанію. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это были случайныя вспышки, которыя противорѣчили самыемъ задушевнымъ правиламъ Шлоссера. Онъ даже самъ сознался въ нихъ. Въ предисловіи ко второй части своей исторіи среднихъ вѣковъ (1821) онъ извинялся въ слишкомъ рѣзкомъ порицаніи недостатковъ людей, вообще очень достойныхъ, ясно сознавая, что завистливое униженіе другихъ и презрѣніе къ нимъ легко могутъ довести до надменности. Однакожъ преобладающія черты его сильной и прямой натуры всегда брали перевѣсъ надъ требованіями условныхъ приличій, и конечно, указанныя особенности Шлоссера можно причислить къ тѣмъ недостаткамъ, которые неразрывно связаны съ его добродѣтелями. Насиловать свою прямую и честную натуру было для него невозможно во вскихъ отношеніяхъ, тѣмъ менѣе въ ученомъ. Очарованный личностью герцогини де Сенъ-Ле, приславшей ему свои записки, онъ однакожъ сказалъ ей прямо, что, несмотря на все ихъ остроуміе, ничего не можетъ извлечь изъ нихъ для своей цѣли. Онъ былъ друженъ съ Грегуаромъ и открыто принималъ его въ изгнаніи, но въ исторіи 18 столѣтія съ самою наивною откровенностью говорилъ объ его удивительномъ ослѣщеніи. Даже самого Данте подвергъ онъ своей придирчивой и щепетильной критикѣ, обыкно-

венной въ его сочиненіяхъ, — Данте, которому онъ удивлялся съ такимъ энтузіазомъ и у котораго учился строгому беспристрасію въ отношеніи къ своимъ собственнымъ единомышленникамъ: какъ же можно было отъ такого служителя истины требовать снисходительности къ школьнімъ мудрецамъ его времени и къ литературнымъ противникамъ, питавшимъ къ нему непримиримую ненависть.

Тотъ судилъ бы слишкомъ поверхностно и несправедливо, кто сталъ бы утверждать, что Шлоссеръ порицалъ рѣшительно все, и что страсть къ порицанію всегда происходила у него отъ досады и желчи. О многихъ современныхъ и отечественныхъ историкахъ, въ которыхъ онъ видѣлъ серьезное, самоотверженное стремленіе къ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ въ виду разысканіе истины, онъ всегда отзывался съ уваженіемъ и признательностью, безъ всякой мелкой завистливости. Таковы напр. Масковъ, Мезеръ, Планкъ, Вилькенъ, Ремъ, а особенно Шпіттлеръ, его учитель въ Геттингенѣ; нужно было самому слышать отзывы Шлоссера о Шпіттлерѣ, чтобы убѣдиться, какимъ благородствомъ онъ былъ проникнутъ къ этому действительному замѣчательному человѣку, и какъ неизмѣнны были его чувства къ нему. Когда онъ замѣчалъ въ комъ-нибудь различіе, тѣхъ возвѣній, которыя были для него священны въ жизни и существенны въ наукѣ, тогда только отвращеніе его не имѣло предѣла и выражалось съ такою силой, при которой скрывать или сдерживать свое неудовольствіе оказывалось для него рѣшительно невозможнымъ. Но нельзя указать ни одного случая, когда бы онъ взялся судить и рядить о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ, не имѣя объ нихъ точнаго понятія. Въ Гиббонѣ онъ уважалъ долго, а въ J. Миллерѣ всегда, строгаго критика источниковъ; его нерасположеніе къ первому возникало постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ узнавалъ его неточность и открылъ источникомъ ея — риторическую налыщенность, которая непріятно поражала его уже въ Миллерѣ и сдѣлалась для него отвратительной въ обоихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ разочароваться въ политическомъ характерѣ Миллера и замѣтилъ въ Гиббонѣ сочувствіе къ свѣтскимъ развратнымъ господамъ и повѣсамъ. Но въ нерасположеніи его къ этимъ современникамъ нисколько не участвовало чувство какой-нибудь личной непріязни, потому что такое же нерасположеніе онъ обнаруживалъ иногда къ Діодору, Ксенофонту и Саллюстію, писателямъ давно минувшихъ временъ. Шлоссеръ съ одинаковымъ негодованіемъ возставалъ всегда противъ нравственной испорченности, противъ отсутствія правилъ въ жизни, противъ пустой мишурѣ въ наукѣ, риторическихъ украшеній, поэтическихъ манеръ, прагматическихъ характеристикъ и душевныхъ картинъ, противъ живописной романтичности, искусственныхъ поддѣлокъ подъ древность и стремлений сохранить колоритъ времени въ историческихъ изложеніяхъ. И какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ ясныя основанія, вытекавшія изъ его цѣлостной натуры, удаляли его отъ историческихъ корифеевъ, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ уважалъ постоянно; но случайныя его выходки и нападки на другихъ, которыхъ онъ не назы-

валь по именамъ, давали поводъ заключать, что его сужденіями руководила придиличность и мелкая досада.

Такъ напр., замѣчая въ Дальманѣ стремленіе соединить теорію съ практикою, историка возвысить до государственного человѣка, Шлоссеръ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дальману за его прямой, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный характеръ, не одобрялъ его стремленій, и, несмотря на то, что самъ же всегда стремился отъ буквы науки къ ея духу, отъ книги въ жизнь, высказывалъ совершенно противоположный взглядъ, которому онъ остался вѣренъ навсегда. Для него наука стояла совершенно отдѣльно отъ жизни, которая должна „сама управлять собою“, такъ какъ только настоящій практическій человѣкъ можетъ действовать сообразно съ жизненными потребностями и действовать твердо тамъ, где бы полузнающей постоянно колебался.

Такія мысли, доведенные до крайности, могли казаться односторонними; но ихъ не должно понимать строго буквально. Или ужъ должно взвѣшивать строго каждое слово, и тогда односторонность исчезнетъ при двойномъ противорѣчіи, которое часто встрѣчается въ выраженіяхъ Шлоссера. Онъ не соглашался на соединеніе теоретика съ практикомъ въ одномъ лицѣ, роль эта представлялась ему неудобною уже по причинѣ разъединенія силъ, и онъ лично ни въ какомъ случаѣ не былъ способенъ разыгрывать ее. Но отѣлить науку отъ жизни невозможно, если она, по выражению Шлоссера, „должна давать образецъ для жизни“: на эту-то часть его фразы и нужно обращать особенное вниманіе. Одна крайность вызываетъ другую, совершенно противоположную и дѣло разъясняется. Когда Штейнъ составилъ планъ собрать всѣхъ немецкихъ историковъ, Шлоссеръ отказался участвовать въ этомъ национальномъ дѣлѣ. Онъ указалъ при этомъ только на второстепенные причины отказа; главнѣйшая же заключалась въ томъ, что онъ невольно сознавалъ необходимость тѣснаго сближенія науки съ жизнью, а отъ этой задачи отвлекли бы его труды по исторической филологии. Науку эту онъ вполнѣ уважалъ, но лично сознавалъ себя еще менѣе способнымъ къ ней, нежели къ дѣятельности государственного человѣка.

Отъ этого сочувствія Шлоссера къ жизненнымъ интересамъ явилась въ немъ рѣшимость заниматься собственно настоящей исторіей, оставляя въ сторонѣ кропотливые изслѣдованія вспомогательныхъ, второстепенныхъ наукъ, всю антикварную, археологическую и миѳологическую мудрость. Онъ, подобно Фукидиду, Маккіавелли и другимъ историкамъ въ духѣ новѣйшей образовательной школы,— признавалъ, что въ исторіи важнѣе всего теченіе событий, а не описание извѣстныхъ постоянныхъ и неизмѣняющихся положеній и отношеній, „не измѣреніе пространства, какъ онъ самъ выражался, а исчисленіе моментовъ.“ Это была не прихоть и не упрямство, но обдуманный принципъ, вслѣдствіе котораго онъ вся до-историческая сказанія, миѳическая и религіозная повѣствованія исключалъ изъ исторіи въ строгомъ смыслѣ, и считалъ ихъ только подготовкой къ изученію исторіи. По его мнѣнію, историкъ не долженъ бродить съ своими изслѣдованіями въ

хаосъ древнихъ временъ, среди болотъ варваровъ и лѣсовъ браминовъ, но искать свѣта въ воздѣланныхъ, ясныхъ странахъ исторіи. Онъ уважалъ и цѣнилъ богатую результатами историческую критику Нибура, филологическую мозаику Отфрида Міллера, но ему казалось, что благоговѣніе предъ сомнительными результатами, полученными изъ изученія миѳовъ, древностей и надписей, можетъ выгнать ясную и свѣтлую исторію, и критическая микрологія распространится до того, что унизитъ самую исторію и сдѣлаетъ ее вспомогательною наукой филологии.

Такимъ же точно отрицательнымъ образомъ относился Плоссеръ и къ другому дипломатически-архивному историческому методу, господствовавшему въ школѣ Ранке. Ничто такъ не характеризуетъ многосторонности германского духа, какъ одновременное возникновеніе и совмѣстное существованіе этихъ двухъ противоположныхъ возврѣній на цѣль и методъ исторіи; они взаимно дополняютъ другъ друга, что есть у одного, того нѣтъ у другого, и что имѣеть другой, того недостаетъ первому. Оба метода существенно критические и равно отрывочны. Оба предполагаютъ въ читателѣ знакомство съ другими историческими книгами и не хотятъ повторять того, о чёмъ уже говорилось тысячу разъ. Одинъ методъ беретъ историческій материалъ во всемъ его объемѣ и употребляетъ его въ дѣло въ видѣ сухаго лѣтописнаго разсказа, но освѣщенного со всѣхъ сторонъ; здѣсь при беспорядочной, неравномѣрной и безыскусственной обработкѣ теряется цѣлость исторіи, и она распадается на отрывочные повѣствованія. Другой методъ, не касаясь всего материала, избирая отдѣльные моменты и представляя ихъ съ частныхъ точекъ зрѣнія, въ формѣ изложенія мемуаровъ, старается напротивъ изъ отрывковъ составить связное цѣлое. Одинъ дополняетъ существующія историческія сомнѣнія, такъ сказать, пропущенными, просмотрѣнными мѣстами уже извѣстныхъ источниковъ, другой ищетъ дополненій въ памятникахъ и свѣдѣніяхъ, еще никому неизвѣстныхъ. Въ этомъ разысканіи и открытии неизвѣстнаго послѣдователи втораго метода находятъ главную прелесть историческихъ занятій и считаютъ свои занятія полезными и необходимыми, даже если бы открытия, сдѣянныя ими, „сами по себѣ и не имѣли большой важности.“ Противъ этого очень неглубокаго взгляда защитники первого метода, невольно смущаемые подавляющимъ громаднымъ количествомъ уже открытыхъ и извѣстныхъ материаловъ, дѣлаютъ такое серьезное и значительное возраженіе: исторія не можетъ, подобно другимъ наукамъ, оставлять въ сторонѣ и сдавать въ архивъ устарѣвшія или решенные дѣла, напротивъ того ея исключительное свойство и состоитъ въ томъ, что, при безостановочномъ развитіи народовъ, она накапливаетъ необозримую массу материаловъ, увеличивающуюся въ огромной пропорціи; поэтому — прежде всего необходимо подумать о томъ, какъ бы въ этомъ чрезмѣрномъ обилии материаловъ ограничиться однимъ безусловно важнымъ. Для этой цѣли нужно въ тѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые представляются незначительными по отсутствію въ нихъ духовныхъ интересовъ, искать только общаго духа и сущности исторіи; въ другихъ же, представляющихъ духовный интересъ, ограничиться основательнымъ изслѣдо-